

Олег Пустовой

16+

Экипаж - одна семья

Повесть
Часть четвёртая

Олег Пустовой

Экипаж – одна семья.

Часть четвёртая

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Пустовой О. М.

Экипаж – одна семья. Часть четвёртая / О. М. Пустовой —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Продолжение книг: "Внеплановый призыв", "Путь призывника",
"Карантин". Главный герой матрос Мельниченко, закончив курс молодого бойца, прибывает на постоянное место службы в соединение десантных кораблей. Попадая на большой десантный корабль, он познаёт все прелести служебной иерархии и, преодолевая все тяготы и лишения флотской службы, продолжает продвигаться по её неразгаданным тропам.

Содержание

Экипаж – одна семья	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Часть IV

Экипаж – одна семья

Приближаясь к пункту базирования десантных кораблей, пассажирский катер «ПСК-12» резко сбавил ход и круто завернул направо. Легко коснувшись деревянного настила выступавшего внутрь бухты пирса, он оставил слева по борту трофейную японскую плав мастерскую, давно ставшую на «мёртвые якоря» и, зайдя за левую скулу пирса, плотно прижался правым бортом к большим резиновым кранцам, что крепились по всему периметру пирса надёжным толстым тросом. Когда команда катера закончила швартовку и несколько шустрых матросов подали на пирс короткий трап-сходню, то первым по нему спустился мичман Лобанов, которого на причале встречал дежурный по пункту базирования при погонах капитан-лейтенанта со своим помощником старшим мичманом. Пока сопровождающие и дежурный мило беседовали, вновь прибывшее пополнение десантников с неподкупным интересом разглядывали грозные боевые корабли, что возвышались над побережьем бухты многопалубными надстройками, находясь в гордом молчаливом строе расположенных в один ряд носовой частью к кромке берега. Это были десантные корабли различных типов, о которых ни Мельниченко, ни его «друзья-однополчане», не имели совершенно никакого представления. Это уже потом, прослужив в соединении десантных кораблей несколько недель, Игорь стал разбираться: что представлял собой и как назывался каждый тип корабля. Сейчас же, для каждого молодого матроса, это были просто боевые корабли.

Дождавшись роковой команды мичмана Лобанова: «Внимание молодого пополнения! Строго по одному! На берег, бего-ом, арш!» – послушные военморы, словно жидкая лава, стали заполнять деревянный настил пирса, беспрекословно повинаясь команде своего начальника. Лобанов тут же произвёл быструю переключку и вывел пополнение на широкий бетонный плац, где перестроил моряков в одну длинную шеренгу. В то время, пока проходила проверка прибывшего пополнения, на плацу появились капитан третьего ранга и старшина второй статьи – представители организационно-строевого отдела штаба дивизии, а именно помощник началь-

ника штаба по организационно строевому отделу и штабной писарь помощник инструктора по учёту личного состава. Капитан третьего ранга сразу подозвал к себе мичмана Лобанова и минут пятнадцать решал с ним какие-то организационные вопросы, посвящая мичмана в свои начальственные планы. Мичман внимательно его слушал и что-то записывал в свою записную книжечку. Выслушав до конца наставление своего начальника, Лобанов взмахом руки подозвал к себе старшину второй статьи и передал ему учётно-послужные карточки прибывших моряков для составления приказа о зачислении пополнения в состав дивизии. Закончив организационные мероприятия, мичман передал дежурному по пункту базирования приказание своего шефа, касающееся оповещения для всех командиров кораблей о прибытии в соединение молодого пополнения.

Игорь стоял в строю, с интересом наблюдая за всей этой суетой, ожидая новых поворотов в своей судьбе. Ведь снова предстояла игра в рулетку: повезёт или не повезёт? Понимая, что судьбу не перехитрить, он непринуждённо рассматривал территорию пункта базирования со всеми его сооружениями, кораблями и катерами, строевым плацом и спортивной площадкой. Вся территория базы пестрела различными пропагандистскими лозунгами и плакатами, прославляющими роль коммунистической партии в полной победе развитого социализма и усилении бдительности моряков-тихоокеанцев. Прямо перед Игорем стоял вкопанный на двух опорах фанерный щит с рисунком кровожадного острозубого китайца в военной форме, а со штыка у него густо скапывала алая кровь. Надпись под плакатом гласила: «Десантник – будь бдительным! В семидесяти двух километрах – твой вероятный враг!» Следующий плакат такого же ракурса, что смог рассмотреть Мельниченко в зоне видимости, раскрывал перед моряками грибообразный взрыв, на фоне которого размещался букет баллистических ракет с грозной надписью «Империализм – сила зла и ядро всех войн!» Остальные плакаты находились далеко, и рассмотреть, чем они пугали военморов, Игорь не смог.

Не прошло более двадцати минут, как вокруг молодого пополнения начали разгораться азартные страсти. Ознакомиться с молодёжью прибыли некоторые командиры кораблей, старшие помощники командиров и лица, временно замещающие их, из состава командиров боевых частей. Страсти закипали не на шутку. Корабли были укомплектованы личным составом только на восемьдесят процентов, а с учётом увольняющихся в запас осенью, недокомплект становился итого больше, поэтому каждый командир хотел укомплектовать свой корабль недостающими специалистами, чтобы уже через пару месяцев подготовить из них достойную замену уходящим на ДМБ военморам. Помощник начальника штаба по организационно строевой части сразу взял ситуацию под свой контроль и, сверяя штатно-должностную книгу дивизии с книгами кораблей, делал соответствующие организационные выводы, направляя на корабли молодых специалистов с таким расчётом, чтобы максимально заполнить штатные расписания кораблей. Таким образом, молодое пополнение распределялось по всем законам справедливости, невзирая ни на какие уговоры командиров кораблей. Тут же на плацу, представители корабельного начальства получали под своё крыло молодых матросов и, проверив наличие аттестатов, вводили салажат на корабли, а документы догоняли моряков уже потом, вместе с приказом командира дивизии о постановке молодёжи на котловое довольствие. С этого момента малоизвестные корабли, становились для молодых моряков не только местом службы, но и родным домом. Для кого на два с половиной года, а для кого-то и на все три.

По протекции главного корабельного старшины Гринёва, Мельниченко, двух братьев близнецов Захария Тенгиза и Захария Коте, Сашу Зайцева из Новосибирска, Юру Воронина из Петропавловска-Камчатского, Вениамина Гудмана из Биробиджана и Вадика Абакумова из Владивостока – направили на БДК «Александр Торцев», названный в честь героя-десантника тихоокеанца погибшего в войне с японскими милитаристами. Командир корабля, капитан-лейтенант Петров, высокий и стройный офицер с рыжими волосами и голубыми, как небо, глазами, построил полученных под своё командование матросов на строевой площадке соеди-

нения для короткого инструктажа перед убытием на корабль. Он поприветствовал каждого матроса за руку, проводя, таким образом, неформальное знакомство. Длинноногий, словно баскетболист, он подходил к каждому матросу, а матросы отдавали честь и называли свою фамилию, и Петров протягивал новому члену экипажа свою крепкую жилистую руку для рукопожатия, задавая короткие познавательные вопросы. После короткого ознакомления, командир дал распоряжение Гринёву проводить молодое пополнение моряков на корабль.

По территории пункта базирования моряки перемещались строем колонной по два, только низкорослый Веня Гудман шагал в одиночестве замыкающим, то и дело, отставая от строя. Последним в строю кораблей находился и БДК «Александр Торцев». Шагая к нему, моряки проходили мимо открытых ртов носовых створок с выдвинутыми на берег языками аппарелей всех кораблей соединения находящихся в базе. Открыто рассматривая каждый корабль, салажата пытались разобраться в их различии, то и дело, задавая Гринёву возникающие вопросы. На что главный корабельный старшина отвечал однозначно: «Отставить разговорчики», – хотя на некоторые вопросы отвечал короткими незначительными фразами.

Первыми в строю кораблей находились СДК – средние десантные корабли. Они смотрели на моряков открытыми носовыми створками, и через раздутые щёки створок морякам открывался вид на короткий танковый трюм с низким подволоком, освещённым тусклым светом гирляндой корабельных светильников. После нескольких СДК, выстроились в одну ровную линию тупоносые ТДК – танкодесантные корабли польской постройки. Это были корабли нового типа, имеющие комфортабельные жилые помещения оборудованные кондиционерами. Они отличались оригинальным красивым силуэтом с ровными линиями прямолинейных надстроек, полой чертой длинного шкафута, тупой, плавно вытянутой вперёд, носовой частью и обрубленной транцевой кормой. В носовой и кормовой части спардека, красивыми полусферами башен, гордо красовались автоматические артиллерийские установки со спаренными подвижными по вертикали стволами. Аргустановки были зачехлённые серыми брезентовыми чехлами и находились в прямой горизонтальной наводке. За этими широко трубными и прямолинейными

красавцами, возвышались своими бортами похожие на морские лесовозы – большие десантные корабли. Они были названы патриотическими и героическими именами. В базе стояли все четыре корабля-побратима БДК «Александр Торцев», а именно: «Томский Комсомолец», «Сергей Лазо», «Николай Вилков» и «50 лет шефства ВЛКСМ». Изначально эти суда планировались, как морские лесовозы, но мудрые конструкторы изменили некоторые инженерные узлы и сотворили на их базе новый тип кораблей. Гражданские лесовозы корабли напоминали только своим силуэтом, но экипированные вооружением и выкрашенные в военно-морской шаровый цвет, они имели устрашающий грозный вид. Высокие надстройки БДК резко возвышались над всеми кораблями соединения и видны были без всякой увеличительной оптики, даже из самых отдалённых точек бухты Новик. Сквозь трапециевидные отверстия раскрытых носовых створок этих высоких остроносых кораблей, виднелся вместительный танковый трюм с опущенной межпалубной сходней, по которой танки и колёсная техника могли легко перемещаться из танкового трюма на шкафут. С левого борта главной палубы возвышался своей оригинальной конструкцией небольшой однострелочный кран с низко сидящей башней управления. Горизонтально опущенная стрела была изготовлена из крепких металлических уголков с рёбрами жёсткости по всей её прямоугольной длине. К концу стрела сужалась, и в крайней её точке крепился вращающийся ролик для движения грузового троса. Рядом с краном сразу под надстройкой посреди шкафута была установленная небольшая спаренная артиллерийская установка, чем-то напоминающая «сорокапятку» времён ВОВ, прозванная в кругу матросов «мухобойкой». В носовой части корабля, прямо на баке, размещалась устрашающая врагов новинка – установка «Град». Её сородичи массово прославились в военном инциденте на острове Даманском дальневосточной реки Уссури.

Проходя мимо кораблей с ровными трафаретами бортовых номеров и присвоенными именами на блеклых парусиновых лентах, натянутых вдоль леерных ограждений трапов-сходней, Игорю не терпелось увидеть свой будущий БДК «Александр Торцев». И вот, наконец-то он! Тяжёлый язык рампы носовой аппарели неподвижным грузом примял мелкий утрамбованный песок береговой черты залива, куда был спущен трёхметровый трап-сходня. На краю рампы, покрашенной в тёмно-коричневый цвет, находился вахтенный у трапа матрос, с неподдельным интересом наблюдавший за поднимающимися по трапу салажатами, что ступив на изготовленный из пеньки мат, тут же отдавали честь корабельному флагу и, вытирая ноги, проходили вглубь танкового трюма. Пройдя метров десять вперёд, Гринёв указал морякам на открытую дверь справа по борту. Пройдя по одному в эту дверь, они стали подниматься на главную палубу по крутому железному трапу, состоящему из нескольких отдельных маршей с прямыми площадками между секций. Поднявшись на бак, все прошли мимо установки «Град» на шкафут и, следуя дальше по главной палубе, попали в узкий коридор надстройки. Гринёв провёл молодёжь в самый конец коридора и, поднявшись по наклонному трапу на вторую палубу, увлёк всех за собой в столовую команды. Следуя законам флотского гостеприимства, новых членов экипажа, для начала решили накормить сытным корабельным ужином. В отличие от берегового меню школы мичманов, на корабле ужин состоял из первого блюда, закуски, второго блюда, компота и хлеба, которого хватило бы по нормам школы мичманов на целый взвод. В этот день военморов на корабле кормили густыми щами на квашеной капусте, гречневой кашей с мясом, закуской из кильки в томатном соусе и компотом, сваренным на основе сухофруктов, кишмиша и копчёного чернослива. Самое интересное оказалось в том, что не страдающим на аппетит салажатам, даже добавку предложили. Однако желающих на такую щедрость не оказалось. Всем хватило пищи отпущенной по флотской норме.

После сытного ужина, молодое пополнение развели по кубрикам боевых частей и служб корабля. К своему большому удивлению, Мельниченко узнал, что его взял к себе на замену главкор Гринёв и теперь ему придётся осваивать специальность артиллерийского электрика по обслуживанию установки «Град». Братья грузины попали в службу команды: Тенгиз – кора-

бельным пекарем, а Коте – коком. Саша Зайцев попал в радиометристы штурманские; Юра Воронин и Владик Абакумов остались в боевой части «пять» изучать премудрости механизмов вспомогательных дизелей. Но самое тёплое местечко досталось Вене Гудману, его зачислили в штат строевым матросом и решили готовить из него писаря простого делопроизводства. Таким образом, попав в боевые части и подразделения корабельных служб, ребята вплотную столкнулись с будущим своим заведованием, и теперь для них наступила строгая корабельная жизнь со своими нравами, нормами и корабельным уставом.

В шестиместном кубрике БЧ-2 было занято всего четыре койки. Две нижние занимали старшина команды комендоров – Гринёв и командир отделения комендоров – старшина второй статьи Чижов. Две верхние принадлежали двум комендорам: старшему матросу Морозу Олегу и матросу Рустаму Халимову. Две койки, что казались свободными, уже были распределены: верхняя поджидала Игоря, а нижняя принадлежала, находившемуся в отпуске оператору установки «Град» старшему матросу Токареву. Командовал артиллеристами командир БЧ-2 лейтенант Мордвинов, совсем недавний курсант ТОВВМУ (Тихоокеанское высшее военно-морское училище).

Команда комендоров приняла Игоря тепло и радостно и на это были у каждого свои причины. Для двух «карасей» Морозова и Халилова это были дополнительные руки, так как все приборки, приходившиеся на БЧ-2, выполняли они вдвоём. Токарев проводил отпуск в родном городе Хабаровске, а Чижов, служивший по третьему году, только руководил приборками и гонял молодёжь, словно сидоровых коз. Старшина команды радовался, что его «дембель» теперь не в опасности. Осталось только вовремя подготовить своего «духа», а дальше Чижов станет старшиной команды, а кто-то из комендоров – командиром отделения. А потом уже Чижов будет готовить себе замену, но без Гринёва, которому до «дембеля» оставались считанные дни. Сейчас же, на нём держалась вся дисциплина боевой части. Он даже с «бычком лейтёхой» иногда был на «ты», на что офицер краснел, однако молчал и не злился. Он прекрасно понимал, что фактически все его обязанности по работе с личным составом выполнял главкор и без него офицер оставался, словно «ноль» без палочки.

Этого же дня, а точнее уже вечером, Гринёв поручил Чижову ознакомить Игоря с устройством корабля, ввести «салагу» в курс дела относительно расписаний по приборкам и корабельного распорядка дня. Начиная с вечернего распорядка дня, когда после вечернего чая прозвучала команда дежурного по низам: «Палубу проветрить и прибрать!» – Мельниченко под чутким руководством Чижова произвёл на корабле свою первую приборку. В его обязанности теперь входила приборка части коридора вдоль кубрика БЧ-2 и палуба внутри кубрика. А после вечерней проверки и полного отбоя, когда дежурный по низам включил ночное освещение, заполнившее кубрики синим полумраком, Гринёв привлёк Игоря для оказания непомощной помощи в деле подготовки дембельского аккорда. Главкор провёл своего «духа» по всему кораблю, где на пути им не попался ни один офицер или мичман. Затем они спустились по многочисленным трапам в самый, что ни есть, дальний кормовой отсек корабля, называемый румпельным отделением, а через него в отсек валолинии. В неприметной части валолинии была оборудована капитальная «шхера», принадлежащая годочкам из БЧ-5. В этой хитро задуманной шхере всё было заблаговременно придумано и отлично обустроено: в дальнем углу находился сбитый из досок «бак», служащий под письменный стол, несколько маленьких самодельных «баночек» в виде мини табуреток и даже пару поролоновых матрацев. Вся шхера ярко освещалась двумя люминесцентными лампами дневного света, а над баком крепилась раздвигающаяся гармошка чертёжного светильника. Переборки были густо обклеенные различными цветными картинками, на которых Игорь быстро узнал несколько эстрадных звёзд и героинь советского кинематографа. Как специалисту в области электротехники, Игорю сразу бросилась в глаза масса всевозможной нештатной электропроводки, и он сразу понял, что в этой шхере, наверное, никогда не ступала нога офицера. Мельниченко подумал о том, что таких шхер на

корабле может быть немало и именно в них бурлит основная ночная жизнь «годочков». Именно в таких шхерах «годочки» творили все свои неуставные дела. Возможно, офицеры с мичманами догадывались или даже знали о наличии таких законспирированных шхер и понимали, для чего они нужны «годочкам», но игнорировали их наличие на корабле. Ведь никто не догадается, что во время отбоя, когда всему экипажу корабля положено отдыхать, где-то в таких шхерах кипит бурная ночная жизнь со своими уставами, законами и правилами. Днём же, такие шхеры служили опочивальнями, где уставшие за ночь годки, соизволили отдохнуть в неурочное для таких целей время. Одним словом, после подъёма Военно-Морского Флага, вместо занятий по специальности и корабельных работ, годочки ныряли в оборудованные шхеры и дожидались там будущего и неизбежного «ДэМэБэ».

В эту ночь, когда Игорь впервые столкнулся с правилами ночной жизни корабля, шхера БЧ-5 принадлежала главкору Гринёву, которую он арендовал у «маслопупов» на неопределённое время для завершения личных дембельских приготовлений. Игоря же, Гринёв привлёк к себе в помощники для оформления дембельского альбома. Гринёв привлёк «духа» без всяких принуждений и насилия, можно сказать, что чисто по-дружески, как старший товарищ и наставник. Мельниченко даже и не подумал возражать. Он, молча повинаясь, пошёл за своим начальником. А уже в шхере Игорь понял, что за работа ему предстояла? До трёх часов ночи он занимался дембельским альбомом старшины: Мельниченко перерисовывал и раскрашивал кальки размером в фото альбомную страницу, а Гринёв клеивал кальку в альбом между листами с фотографиями. Когда глаза у Игоря начали слипаться, а производительность труда уменьшилась, Гринёв дал «добро» на отдых и сам проводил «духа» в кубрик, во избежание лишних неприятностей.

Спал Мельниченко в эту ночь, как говорится «без задних ног». Только прилип к матрасу, и вытянулся на своей не обкатанной коечке, как сразу вырубился. Ночи для него, словно не существовало. Подъём на кораблях был в шесть часов утра. Так что вставать пришлось, можно сказать, даже не увидевши сна. Ровно в шесть часов утра по всем кубрикам и коридорам прозвенели звонки громкого боя, и по динамикам раздался усиленный в несколько раз голос дежурного по кораблю: «Команде вставать!»

По этой команде Мороз и Халимов быстренько подскочили со своих коечек и, сорвав с Игоря простыню, грубо нарушили сон «салаги». Глядя на своих старших коллег и не врубаясь в ситуацию, Игорь тоже стал напяливать на себя брюки, а в кубрике, как и прежде, горело ночное освещение. Спустя минуту или две после команды «подъём», в кубрик вошёл дежурный по кораблю мичман Абдулаев, высокий худощавый татарин, с явно не разглаженным после неудобного сна монголо-татарским овалом лица. Мичман занимал на корабле должность баталера финансового, а по совместительству и завпрода. Он был в прямом подчинении старшему помощнику командира корабля. Войдя в кубрик, мичман сразу включил свет и громко прокомандовал, стаскивая простыню с прибуравшего Чижова:

– Подъём! Всем вставать! – при этом, не обращая никакого внимания на продолжающего спать Гринёва.

В это время прозвучал по трансляции голос дежурного по низам: «Команде на физзарядку! Форма одежды: брюки, голый торс! Место проведения: танковый трюм!»

Когда молодёжь боевой части два покидала свой кубрик, в помещение прибыл их «бычок» (от слова БЧ – боевая часть) лейтенант Мордвинов, который тоже стал подгонять Чижова на физзарядку, но всё также проигнорировал спящего Гринёва.

Спустившись в танковый трюм, Мельниченко заметил там несколько молодых матросов из различных подразделений корабля, вяло демонстрирующих упражнение «мельница». Физзарядка происходила не организованно и без руководителя. Каждый матрос был предоставлен самому себе, выполняя авторские упражнения, не подражая другим сослуживцам. Как и ожидалось, первыми выходили на физзарядку «духи» и «караси», затем стали подтягиваться

«оборзевшие караси», прослужившие на корабле больше года. Лениво зевая, последними появлялись «под годочки», – эти прослужили больше полтора года. «Под годочки» сразу принялись командовать «духами» и «карасями» своих подразделений, заставляя тех выполнять самые трудные и неудобные упражнения. И, только под конец отведённого времени для физзарядки, стали появляться некоторые «годки», вяло имитируя неказистые упражнения. «Дембелей» и «граждан» на физзарядке не было, им такой распорядок противоречил по статусу, и они досыпали отведённые для себя минуты. Главное для них было – не пропустить подъём флага. Хотя некоторые старослужащие из «качков» не брезговали физзарядкой, чтобы не потерять форму, но занимались индивидуально в кормовой части танкового трюма, придерживаясь своего личного распорядка.

Через полчаса по всему трюму из динамиков раздался голос дежурного по низам: «Закончить физзарядку! Койки убрать! Команде умываться!»

Поднявшись в кубрик, Мельниченко застал там Мороза и Халимова заправляющими свои койки «по белому» так, чтобы простыня с одной и с другой стороны обхватывала тёмно-синий квадрат сложенного суконного одеяла. Чижев свою койку не стал заправлять, он взял туалетные принадлежности с полотенцем и направился в сторону умывальника.

– Альё, «дух»! – Обратился к Игорю Халимов. – С сегодня ти кажидий ден убирайт койка Чижа и Гринёва, усёк!?

– Ясно, – спокойно ответил Мельниченко, продолжая заправлять свою койку, таким макарон, как и его сослуживцы.

Гринёв ещё спал и Мельниченко, захватив свои туалетные принадлежности, пошёл умываться. К этому времени в помещении умывальной оставались одни «духи» и «караси», среди которых было несколько однополчан по «курсу молодого бойца» при школе мичманов. Игорь подвинул слегка Веню, и они вместе стали принимать водные процедуры. Заметив у Гудмана под глазом незначительный синяк, он поинтересовался:

– Что случилось, Вениамин батькович?

– Так ничего особенного, двегью слегка пгихлопнуло, – не глядя в глаза своему собеседнику, ответил Гудман.

«Да, одного уже прописали», – подумал Игорь, но не стал вникать в подробности. Времени было в обрез, и он убежал в кубрик. А к этому времени динамики надрывались новой командой от дежурного по кораблю: «Закончить умываться! Команде приготовиться к утренней приборке!» Услышав команду, Игорь прихватил приборочный материал и занялся влажной уборкой кубрика. После кубрика он перебрался в коридор, где к нему подошёл Чижев и стал поторапливать:

– Что ты тянешься? Быстрее заканчивай коридор! Тебе ещё палубу возле «Града» просушить надо и на боевом посту просвежить, так что шевели помидорами, боец! Понял, да!?

Мельниченко, конечно же, всё понял и после коридора убежал на бак, где торопливо занялся приборкой боевого поста, после чего быстренько прошёлся со шваброй «Машкой» вокруг установки «Град». Успешно завершив утреннюю приборку, Игорь поспешил в надстройку, когда на полпути его перехватил на шкафуте наглый «под годок» из службы команды и начал придирается, как бы, к «праздно шатающемуся духу»:

– Алё, «дух»! Чё ходишь?! Чё не видишь, приборка идёт?!

– А в чём дело? Я уже свою работу закончил, – ответил Игорь, пытаясь пройти мимо матроса.

– Ну, ты чё, не соображаешь? Ты же видишь, что наследил на палубе? – окрысился матросик, указывая на влажные следы от Игоревых «гадов», слегка видневшиеся на ещё неубранной палубе. Он ехидно улыбнулся и, взявши молодого бойца за грудки борзо приказал: – Ну-кась, быстренько упал на четвереньки и просушил палубу от начала и до конца шкафута!

На что Мельниченко никак не отреагировал, а только сказал в ответ:

– Если на то пошло, то здесь вообще ещё не убиралось, и я здесь никак не мог наследить. Можешь взглянуть на мои «гады» и увидишь там совершенно чистые подошвы, а влажные они потому, что я их вытер об чистую влажную ветошь.

– Не по-ол! Ты чё, щенок, ещё тявкать тут будешь!?! Ну-кась, молнией упал на палубу! Резко зашуршал ветошью от начала и до конца! – зарычал в гневе обзлётанный «под годок», роняя вокруг рта мелкие брызги слюны.

В это время на шкафут вышел Чижов и, молча стал приближаться к конфликтующим матросам. Не вникая особо в интересы конфликта, он задал «подгодку» хорошего пинка. Да так, что у того слетела бескозырка, державшаяся на самой макушке.

– Ты смотри на него. Загодковал, что ли? – возмутился Чижов борзости «подгодка» не ставшему чинить препятствия своему сопернику. – Ещё раз увижу что-нибудь подобное, пинком не отделаешься. – Затем, обращаясь к Игорю добавил: – А ты, дорогуша, мой руки и бегом в столовую команды, бачковать пора. Халимов с Морозом объяснят тебе всё, что надо делать.

Понимая, что инцидент исчерпан, Мельниченко удалился восвояси, выполняя указание Чижова. Вытирая руки, он услышал по трансляции новую команду: «Закончить малую приборку! Команде руки мыть, бачковым накрыть столы!»

Когда Игорь появился в столовой команды, там уже полным ходом трудились его одногодки по службе вместе с «карасями». Вся хитрость «бачкования» заключалась в быстром умении получить на камбузе необходимое количество продуктов и накрыть стол для своей команды. В это утро на завтрак подавали макаронны по-флотски, сливочное масло, белый хлеб «кирпичик», чай и сахар-рафинад. Макароны кок зачерпывал, как говорится «на глаз» и наполнял ими алюминиевый бачок, находящийся на весах, точно таких, что применялись в отечественных магазинах тех лет. Кок заранее знал количество личного состава той или другой боевой части и сразу накладывал необходимый вес, даже и лишнего добавлял. Масло выдавали тоже по весу одним сплошным куском: двадцать грамм на брата, а сахар-рафинад – по три кусочка каждому моряку. Всё полученное добро, «бачковые» грамотно делили за баками. Именно эту хитрую науку дележа и предстояло пройти Игорю. Со вторым блюдом и хлебом никогда не возникали проблемы, этого добра всегда морякам хватало, а вот с маслом и сахаром надо было повозиться. Тут надо было знать особые премудрости дележа. «Бачковой» первым делом оставлял второе, хлеб и чай с тремя кусочками сахара для «граждан», если таковы были в команде. У Мельниченко такой был. Это Гринёв. По какому-то особому обычаю «граждане» масло не ели, зато «годкам» надо было выделить двойную порцию масла и по четыре кусочка сахара. Таким образом, чем больше было в команде «годков», тем хуже было для «духов» и «карасей». Игорю в этом плане повезло, ведь в команде был всего один «годок» Чижов и ему предназначалось масло Гринёва, и кусочек своего сахара Игорь должен был положить тоже ему. Остальные получали норму, как и положено, но до того времени, пока из отпуска не вернётся Токарев, тоже служивший по третьему году. Ему пополнять «годковскую» пайку будут Мороз и Халимов. На практике же, всё происходило очень быстро и просто. Когда столовые принадлежности и посуда заняли свои места на столе, Халимов стал делить масло, вводя Игоря в курс дела:

– Эта будет Чижу и Гринёву для обед и ужин ка второму блюда, – сказал он, отрезая четвертую часть от общего куска. Висо остальное ми делим поравна на усех. А ти, Игор, будеша беспокоиса за завтрак Гринёва. Чай, хлеб и макарон занеси в кубрик так, чтобы офицер и мичман не видель. Оставишь еду в его рундук. Пока утыреную пайка его масла ми будем кушат до его дембел, а потом ти до полгода остаёса без масла, поняль?

– Та понял, понял, – недовольно отозвался Мельниченко, занимаясь дележом сахара.

– Сахара тебе до полгода положено по кусочку, затем два кусочка до полтора года, после полтора будешь получать по три, а потом до конца службы по четыре куска, так что и эту

науку надо знать, – вставил и свои «пять» копеек в нравоучение молодого Мороз, помогая раскладывать сахар.

Мельниченко с неохотой слушал «карасей», которые каких-то полгода назад оторвались от маминой юбки, и сразу попали на службу, совсем не зная другой самостоятельной жизни. Игорь считал себя немножко выше своих коллег по уровню интеллекта, как и опытнее по гражданской жизни. Пусть по службе они и были старше него на каких-то полгода, зато по возрасту Мороз был моложе на год, а Халимов вообще на полтора. В команде только Гринёв был старше Игоря на год, а Чижов и Токарев были ровесники. Но служба, есть служба и Мельниченко всё это прекрасно понимал, имея хороший опыт учёбы в мореходке, где тоже имелись свои «старички» и «молодые». Поэтому он после завтрака сразу стал убирать со стола. Посуду на «Торцеве» мыли «бачковые» вручную и, узнав все подробности предстоящего процесса у Мороза, Игорь принялся за дело. Посуду мыли губкой в горячей воде с горчичным порошком и натёртым хозяйственным мылом. Занимаясь процессом мытья посуды, Игорь стал размышлять. Он прекрасно понимал, что теперь ему придётся это делать по четыре раза на день целых полгода, а то, может быть и год, пока в боевой части не появится новый «дух». Заканчивая домыывать последнюю кружку, Игорь услышал по трансляции новую команду дежурного по кораблю: «Команде приготовиться к построению по сигналу «Большой сбор» для подъёма Военно-Морского флага! Форма одежды рабочее платье, бескозырка! Место построения – шкафут, правый борт!»

Прежде, чем по кораблю раздался перезвон колоколов громкого боя, извещающая экипаж корабля о построении по «Большому сбору», Мельниченко успел отнести в кубрик посуду и подготовиться к утреннему осмотру. Он начистил свои «гады» и «прогары» Гринёва, а также военно-морские бляхи. Халимов тем временем чистил бляху Чижову. А, когда по кораблю длинной очередью протяжно прозвенели короткие и длинные звонки, озвучив мелодию «Большого сбора», Мельниченко уже выбегал на шкафут, где начали формироваться две шеренги из подразделений экипажа корабля. За несколько минут до подъёма флага, Чижов, чисто символически, известил старшину команды, что все члены команды на местах. Гринёв, в свою очередь, без особой строевой выучки, доложил о наличии личного состава своей команды, прибывшему на построение командиру БЧ. Лейтенант быстро произвёл утренний осмотр и сделал доклад дежурному по кораблю. Когда командиры всех подразделений закончили свои доклады, дежурный по кораблю отдал команду «равняйся», «смирно», «равнение на середину» и, встречая старшего помощника командира корабля, отдал честь и произвёл традиционный доклад. Старпом, приняв доклад, послал одного из матросов службы команды доложить командиру корабля, что до подъёма Военно-Морского флага осталось пять минут, а сам тем временем проинформировал команду корабля о недостатках в повседневной службе личного состава и нарушении выполнения утреннего распорядка дня некоторыми категориями старослужащих членов экипажа. Буквально за две минуты до подъёма флага на шкафут вышел командир корабля капитан-лейтенант Петров, умело поправляя правой рукой огромную мичманку так, что указательный палец установился перпендикулярно линии бровей ровно посреди переносицы, выравнивая сшитого из золотистой галуновой нити военно-морского краба, крепко закреплённого по центру тулии. Заметив появившегося командира, старпом громко скомандовал «смирно, равнение на середину», воистину внушая строю эту команду всем своим грозным видом внушающей спортивной фигуры, обтянутой в ладно сидевшую форму офицера. Чётким строевым шагом он вышел навстречу командиру и, остановившись друг против друга в пару метрах, чётко доложил:

– Товарищ капитан-лейтенант, экипаж большого десантного корабля «Александр Торцев» построен по сигналу «Большой сбор» на подъём Военно-Морского флага! Лиц незаконно отсутствующих нет! Старший помощник, капитан-лейтенант Григорьев!

Командир поздоровался со старпомом за руку и, развернувшись лицом к строю, громко поприветствовал вверенный ему экипаж:

– Здравствуйте товарищи десантники!

– Здравия желаем, таиш тан лейтенант! – ещё громче прозвучало ответное приветствие экипажа, подхваченное лёгким порывом летнего ветра. Уносясь в разные стороны бухты Новик, оно эхом отозвалось, затерявшись в густых зарослях вековых сопков острова Русского.

Рясной шрапнелью посыпались приветствия с других кораблей, всё также уносясь в густую зелень сопков, пробуждая громким эхом гражданское население посёлка Шигино.

Командир взглянул на часы и встал во главе строя, а через несколько секунд включилась трансляция, и из динамиков на верхней палубе вырвался резкий голос дежурного по кораблю: «На флаг и гюйс, смирно!» Дальше раздалось тиканье часов, отсчитывая последние секунды до подъёма флага. Начало шестого сигнала соответствовало восьми часам ноль-ноль минутам местного времени, и дежурный отдал команду:

– Флаг и гюйс, поднять!

За считанные секунды на кормовом флагштоке и носовом гюйсштоке взметнулись, подставляя ветру свои бока, серпасто-молоткастые звездастые полотнища флага и гюйса, сопровождаемые традиционной мелодией флотского горна. И, пускай, эти секунды повторяются для военморов изо дня в день, месяцами и годами, но каждый день, именно в эти секунды, любой из них окрылялся торжественным моментом, словно этот момент наступил в первый раз.

И снова начался для военморов, наполненный повседневной серостью, новый, ничем не приметный день службы. Один день из одной тысячи девяноста пяти дней флотской воинской повинности. Командиры боевых частей произвели инструктаж и распустили своих подчинённых для произведения осмотра и проворачивания оружия и технических средств корабля по заведованиям. Услышав из уст дежурного по кораблю команду «вольно» «оружие и технические средства осмотреть и проверить» – весь личный состав распределился по боевым постам.

Гринёв привёл Игоря в пост управления установкой «Град» и, подробно объясняя, показал ему, чем должен заниматься артэлектрик по команде «оружие и технические средства повернуть вручную», а в нагрузку взвалил на молодого и свои обязанности, выполняемые вместо отпускника Токарева. Игорю эта наука давалась легко и непринуждённо. Уже после первого объяснения он вошёл в курс дела и произвёл всю усвоенную им теорию на практике. Всё у него получилось с первого раза, а по трансляции уже звучала команда: «Оружие и технические средства повернуть в электрическую, гидравликой и воздухом!» И снова Гринёв стал объяснять своему талантливому ученику все инструкции и поставленные задачи, касательно данной команды. И снова Игорь всё исполнил чётко, как учили. Чтобы закрепить навыки и освежить пройденный материал, Гринёв повторно заставил подчинённого проделать всё с самого начала. Мельниченко принялся за дело и выполнил всё ещё раз, но уже чётче и уверенней, чем порадовал своего начальника. По идее, Гринёв уже должен был демобилизоваться, но так, как Токарева отпустили в отпуск, он оставался выполнять его обязанности и обязанности недостающего артэлектрика, не говоря уже о выполнении своих прямых обязанностей – старшины команды. Но, как бы там ни было, теперь у главкора объявился надёжный помощник, и он этому был искренне рад. Во всяком случае, обслуживание, осмотр и проворачивание «Града» он мог спокойно доверить Игорю, а это для Гринёва было совсем не мало важным, так как для него освобождалась уйма свободного времени. А для Мельниченко теперь оставалось выучить теоретическую часть установки, электрическую и кинематическую часть механизмов и он – готовый специалист. Однако, кроме специальной подготовки Игоря ожидало ещё много флотских и корабельных наук и хитростей, которые надо было освоить в течение одного месяца.

После проворачивания механизмов, экипаж корабля приступил к работам по планам командиров боевых частей и служб. Установка «Град» находилась в полной боевой готовности, а техническая часть её работала без замечаний, что давало возможность артиллеристам

заняться другими, на их взгляд, более важными делами. Чтобы ускорить процесс становления флотского специалиста, Гринёв достал из кармана две одинаковые книжечки, похожие со стороны на блокнотики и, вручая их Игорю, сказал:

– Эти причиндалы, морячок, называются «Книжки боевой номер». Теперь они будут для тебя путеводителем в повседневной корабельной жизни, – он полистал листики в старой книжке, продолжая объяснять. – Здесь, Игорь, все твои обязанности, начиная от обязанностей по проворачиванию оружия и технических средств и заканчивая, обязанностями по различным тревогам, приёмке и сдаче боезапаса и на все прочие случаи служебной деятельности. Это старая книжка, а это новая, – Гринёв развернул брошюрку и показал Игорю. – Твоя задача переписать всё своей рукой в новую книжечку и в течение нескольких недель выучить все свои обязанности, как «Отче наш», усёк, боец!?

– Так точно, товарищ главный корабельный старшина! – чётко, как учили, произнёс Мельниченко, начав рассматривать новенькую «Книжку боевой номер».

– Только давай без этих прибабасов, типа «товарищ...» и прочее. Всё это «солдафонство» оставь для дядей с большими звёздами на погонах. Теперь ты на корабле. Старшин называй по имени, а на построениях и среди начальства, как положено, по Уставу. Так-то, товарищ матрос, – закончил наставление Гринёв на весёлой ноте и отвесил Игорю лёгкого братского подзатыльника.

– А у вас, ... тьфу ты. У тебя, Андрей, есть при себе ручка? – как-то неловко спросил Мельниченко, загоровшись сиюминутным желанием заняться «Книжкой боевой номер».

– Вот тебе ручка, – ответил Гринёв и достал из-под самодельной треугольной тумбочки, сделанной какими-то умельцами в углу на стыке двух переборок, какой-то журнал с торчащей изнутри ручкой. – Посмотри в журнале на предыдущие записи и запиши всё то же, только сегодняшним числом, – продолжил наставление главкор.

– Хорошо, будет сделано, – сказал Игорь и утвердительно качнул головой.

– Кроме всего, возьми у Чижа конспектик. Есть там у него такая хитрая тетрадка по устройству корабля. Прихвати документацию по «Граду» и начинай в свободное время изучать устройство корабля и тактико-технические данные установки «Град». Вообще-то на всё, про всё, тебе отведён ровно месяц. – Андрей похлопал Игоря по плечу и продолжил. – Запомни, морячок, чем быстрее ты сдашь на допуск к управлению своим заведением, тем лучше будет к тебе отношение твоих старших сослуживцев. А для того, чтобы за короткий срок тебе получить этот «допуск», надо будет выучить те премудрости, о которых мы с тобой говорили. Если возникнут какие-то наводящие вопросы, то обращайся ко мне или к Чижу. К старикам из других боевых частей не обращай, а то тебя быстренько где-нибудь припашут. Я смотрю, ты парень, вроде бы толковый, так что занимайся. Трансляция работает, команды все слышно, а твоё дело находится здесь, на боевом посту и заниматься тем, чем я сказал. Если меня будут искать, найдёшь меня в шхере, где ночью были. И смотри не усни, не то проспишь распорядок и схлопочешь по кумполу от «карасей». Ну, всё, морячок, я линияю, а ты, дерзай науку!

Гринёв поднялся через горловину люка на верхнюю палубу, а Мельниченко остался один в маленьком отсеке боевого поста, густо напичканного толстыми и тонкими экранированными кабелями, небольшими агрегатами управления установкой «Град» и различными ящичками с магнитными пускателями, красными и чёрными кнопками, да прочими техническими премудростями. В отсеке было достаточно светло, так как кроме основного освещения, был умело приделанный над тумбочкой короткий люминесцентный светильник. Обстановка благоприятствовала и Мельниченко с неподдельным желанием начал переписывать содержимое «Книжки боевой номер». Вспомнив о лежащем на поверхности тумбочки журнале, он сделал рекомендуемую главкором запись и достал из нагрудного кармана пару тетрадных листиков, заранее припасённых для написания писем. Полагая, что времени до обеда достаточно, Игорь решил по-быстрому черкнуть три небольших письма: одно домой, второе Ларисе, а третье на Саха-

лин рефмеханику СРТ-М «Гравёр», обещавшему выслать деньги, заработанные на зачистке топливных и масляных танков. За таким нужным делом и время пролетело незаметно, но расслабляться для «духа» было рановато, так как корабельная трансляция по всему кораблю извещала бачковых о приближении флотского обеда. Услышав команду: « Закончить корабельные работы! Команде приготовиться к приборке!» – Мельниченко покинул боевой пост, закрыв люк навесным замком и, убыл в кубрик заниматься приборкой. Команда «Закончить приборку! Команде руки мыть, бачковым накрыть столы!» застала Игоря, когда он делал последний штрих, заканчивая протирать палубу коридора.

Вымыв руки, Мельниченко прихватил в кубрике всю необходимую посуду и мигом умчался в столовую команды, где его уже поджидали Мороз и Халимов.

– Ты где пропадаешь? – спросил Игоря Мороз в грубой форме, явно нервничая.

– Как, где? – удивился Игорь. – Приборку делал.

– Приборка, приборкой, а посуда должна быть на камбузе заранее, усёк?! – стал наставлять молодого бойца Мороз. – Запомни, бачок под первое и второе с тарелкой под закуску, должны быть на камбузе до начала приборки, тогда после приборки ты сразу накрываешь на стол уже наполненные бачки. А теперь поторапливайся, чтобы к обеду не опоздать, понял, да?!

– Понял, – коротко ответил Игорь и кинулся на камбуз, а его коллеги «караси» начали расставлять на баке чашки и ложки.

Благодаря своей сноровке, Мельниченко с обедом не задержался, но опростоволосился с «мослами». К первому блюду каждому годку по негласным флотским законам полагалось по «мослу», а в бачке оказался только один «мосол» и Чижов остался при своих интересах, хлебная пустой борщ из консервированных овощей. Он кинул в сторону Игоря недобрый взгляд и со злостью предупредил:

– Алё, «дух», где мой «мосол»? – и, не дождавшись ответа, продолжил. – На первый раз прощаю, но если такое повторится, пойдёшь в БЧ-5 под пайолы на ночьку, а пока подставляй лысину.

Игорь нагнулся, и Чижов отпустил ему смачного «чилима». «Чилимом» годки называли универсальный щегол, когда руку кладёшь на голову, плотно прижимая её по всей плоскости и, оттягивая другой рукой средний палец, резко его отпускаешь. Получается довольно-таки ощутимый щелчок. Пару таких «чилимов» и всё становится ясно с первого раза без лишних объяснений.

Плохо ли, хорошо ли, но обед закончился, а Мельниченко получил для себя ещё один урок хитросплетённой корабельной науки. После обеда для «граждан» и «годков» был «адмиральский час». Раздевшись, они занимали свои коечки и с умилением переваривали пищу, наслаждаясь радужными снами. «Караси» и «подгодки» давили комарика на боевых постах, в кладовках и других законспирированных шхерах. Вплоть до того, что делали отмычки от кубриков десанта и засыпали там, на влажных ватных матрасах. Не отдыхали только «духи» и некоторые «караси», используя время «адмиральского часа» для изучения устройства корабля, расписания по книжкам боевой номер и выполнения других внеплановых работ, так что Игорь тоже использовал это время в своих целях. Проходя мимо курилки, он встретил там братьев Захария и во время перекура договорился с ними о двух дежурных «мослах» для своих старослужащих. Долго с «однопольчанами» беседовать не пришлось. Мимо проходил неопределёвшийся с отдыхом «годочек» со службы команд и салагам пришлось разбежаться, кто куда, чтобы не быть нагруженными какими-нибудь внеурочными работами.

Шли дни, а вместе с ними продолжалась незатейливая флотская служба. Каждый день корабельной службы соответствовал какому-то отдельному мероприятию. В понедельник, после «Проворачивания механизмов» проводились политические занятия, где моряки повышали уровень политических знаний, изучая работы вождей КПСС и ленинские первоисточники. После политических занятий, ровно один час проходили строевые занятия, а после обеда

работали по планам командиров подразделений или привлекались на различные работы на берегу в соединении или в гарнизоне. По вторникам и четвергам до обеда проводились занятия по специальности, а среда и пятница были днями боевой подготовки. Суббота, на всех кораблях и береговых частях флота, был парко хозяйственным днём. В этот день до обеда проводилась «Большая приборка». Весь личный состав корабля, под руководством офицеров и мичманов с полной отдачей вымывал и начищал внутренние помещения и отсеки корабля, наружные палубы и надстройки. Приборка была мокрая. Ветошью и поролоновыми огрызками с мыльной пеной и водой вымывалось всё от палубы до подволока, каждый отсек и каждый закуток. Все медяшки надраивались до солнечного блеска, а резиновые прокладки красились белилами. Руководители приборок следили за качеством и указывали на недостатки. Если того требовалось, то заставляли делать ту или другую работу по несколько раз. А после обеда моряки мылись в корабельной бане с морем горячей воды и тучными облаками пара, параллельно занимаясь постиркой своих руб и нательного белья. Робы «годков» стирали «духи» под присмотром всеобъемлющего ока «годков». Постирка проводилась согласно очередности за три захода, так же, как и помывка в бане. Первыми мылись и стирались моряки БЧ-1 и службы команды, за ними БЧ-2, БЧ-4 и команда РТС, а последними БЧ-5. Для постирки постельного белья и полотенца была на корабле оборудованная прачечная с промышленной стиральной машинкой и центрифугой.

Вечером в субботние дни для «под годков», «годков» и «граждан» было увольнение на берег. Обычно моряки увольнялись до 24.00 и проводили свой досуг в базовом матросском клубе гарнизона или в доме офицеров флота. Обычно увольнялась одна третья часть экипажа. Некоторых старослужащих, которые имели особенные заслуги, могли увольнять в сквозное увольнение в город Владивосток, если у них имелись там близкие родственники. Это значит, что они прибывали из увольнения не в субботу в 24.00, а в воскресенье к 23.00. Для всего личного состава, находящегося на корабле, транслировался в столовой команды кинопроектором «Украина-5» узкоплёночный художественный фильм.

Воскресенье для тихоокеанцев являлось днём культурно-массовых мероприятий. Часть экипажа увольнялась на берег до ужина, а часть – после ужина. Для остальных моряков организовывались спортивно-массовые мероприятия на корабле и на спортивной площадке пункта базирования. Обеспечивал мероприятия заместитель командира корабля по политической части и дежурная обеспечивающая смена офицерского состава. Вечером снова транслировался художественный фильм, и была возможность смотреть телепередачи.

В ежедневный вечерний распорядок входил просмотр информационной программы «Время», под чутким руководством замполита старшего лейтенанта Лисичкина, холёного денди с рыжим снопом пушистых усов под острым любопытным носом и хитрыми зелёными глазами на круглом веснушчатом лице.

Первая неделя корабельной жизни пролетела для Мельниченко молниеносно. За это время он успел полностью адаптироваться к распорядку дня, но замученный нахлынувшей массовостью негласных обязанностей, стал чувствовать физическую вялость и постоянную потребность в отдыхе. Если, проходя «курс молодого бойца» при школе мичманов, курсанты спали по семь часов в сутки, то на корабле «духам» приходилось спать по четыре, а то и по три часа. Поэтому они вечно ходили вялые, словно мухи перед зимней спячкой.

Но эта неделя для Игоря не прошла даром. За это время он подчерпнул для себя много интересного и полезного для будущей службы. Находя в «перерыве между боями» хоть какое-то свободное время, он настырно изучал свои права и обязанности по Корабельному Уставу ВМФ и обязанности по «Книжке боевой номер», при этом изучал хитрые уловки по устройству корабля. Пока «духи» готовились к сдаче зачётов на допуск к самостоятельному управлению своим заведением, их не привлекали к несению службы корабельных нарядов, поэтому

«караси» и «подгодки» старались как можно быстрее натаскать своих «духов», что бы те своевременно влились в полноценную корабельную жизнь.

Эта неделя увенчала Мельниченко ещё одним знаменательным событием. Из отпуска прибыл старший матрос Токарев и демобилизовался на гражданку главный корабельный старшина Гринёв. Именно в тот день, когда прибыл из отпуска Токарев, командир корабля подписал у командира дивизии приказ на увольнение в запас старшины команды артиллеристов Гринёва. По этому поводу вечер у артиллеристов был насыщенным различными неформальными мероприятиями. На вечерний чай из чемодана отпускника ушло на общий бак несколько пачек печенья, дюжина жаренных домашних пирожков с творогом и по банке варенья: одно из жимолости, а другое из дикой лесной малины. Таким образом, команда БЧ-2 в этот день оттянулась на домашней пище. Угостил Токарев своих товарищей из других боевых частей. Словом, всё было, как в хорошей дружной семье. А после отбоя в кубрике БЧ-2 был сабантуй для «годков». Гуляли одногодки Токарева, приглашённые из разных боевых частей. Женя Токарев, естественно припас для друзей спрятанную литровую грелку с клюквенной настойкой из домашнего самогона. Конечно, сабантуй состоялся, благодаря потере бдительности со стороны офицеров и мичманов из обеспечивающей смены. Обеспечивающие: командир БЧ-5, упитанный капитан-лейтенант, больше инженер, чем строевой служака и старшина команды радиотелеграфистов ЗАС мичман первого года службы, после вечерней проверки попрятались в своих каютах, оставив ночь дежурному по кораблю командиру отделения радиометристов штурманских старшине первой статьи Луговому. Заранее зная о лояльности обеспечивающей смены, «годки» правили свой «ночной бал» смело и уверенно. А повод был двойной: назначение Токарева старшиной команды и сход с корабля Андрюхи Гринёва на заслуженный «дембель». В разгаре «бала», когда «годочки» уже изрядно поддали и, разговор от сплетен о бабах перешёл к басням о службе, Валюха Чижов решил похвалиться перед сослуживцами командирскими способностями, и устроил для всех показательные тренировки молодых бойцов своего подразделения. Для начала он несколько раз подряд продемонстрировал номер «взлёт посадки», пытаясь добиться от молодёжи положительного результата за время горения спички, сгорающей за 30 или 40 секунд. Салажата не подвели и выполнили требование «годка» Чижова на оценку «хорошо». Довольный такой показухой, он подумал: чем бы ещё повеселить гостей и громко крикнул, родивши новую вводную:

– Слушай мою команду, салажня! Быстренько достали противогазы!

Когда Мороз, Халимов и Мельниченко достали из своих рундуков подсумки с противогазами, Чижов громко прокомандовал:

– Газы!

Умело реагируя на поступившую команду, матросы быстро вскрыли подсумки и стали натягивать на свои головы неприятные резиновые изделия. Они и тут показали свои незаурядные способности, облачившись в противогазы за 5 или 6 секунд, что ещё больше обрадовало Чижова. Войдя в раж, он приказал достать химкомплекты. А когда рюкзаки с противохимическими комбинезонами были готовы к применению, из уст «годка» прозвучал ещё один приказ:

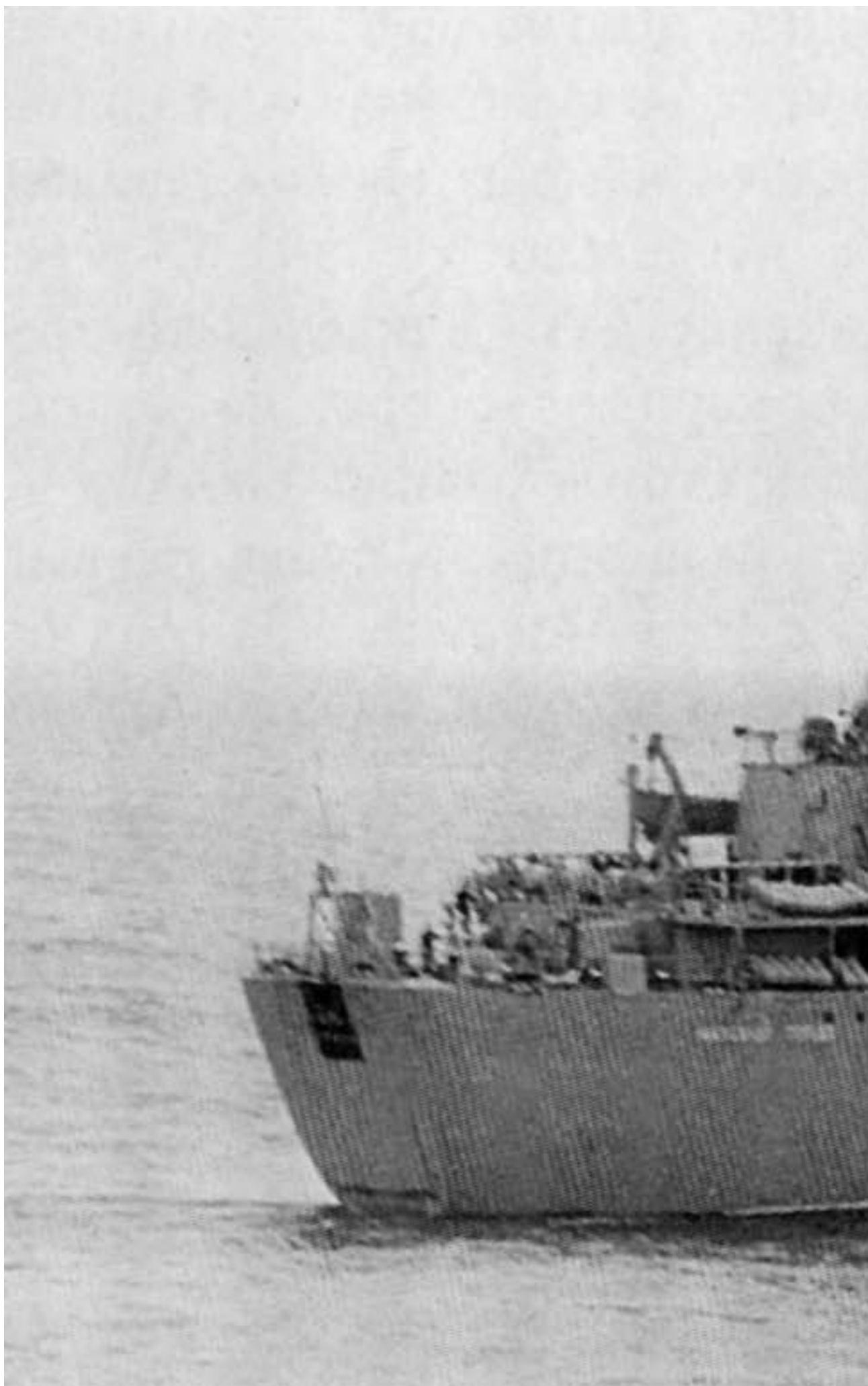
– Внимание, карасня! Химическая атака! Одеть химгандоны!

Молодёжь и тут не подкачала. Одевши защитную одежду с полной заправкой за минуту с лишним, они застыли по стойке «смирно», дожидаясь следующей команды. Казалось, что фантазии Чижова не будет предела. Придумывая для салажат всё новые и новые сюрпризы, он пытался выявить среди них победителя по отжиманию от палубы и приседанию на одной ноге. После чего устроил состязания по армреслингу. Но когда дело дошло до унижения личного достоинства, и Чижов стал заставлять молодёжь устроить для потехи «бой петухов», чтобы те, прыгая на одной ноге, пытались вытолкнуть плечом один другого из начерченного мелом круга, Гринёв не выдержал, резко вскочил и крикнул:

– Ну, всё, харэ, Чиж! Достал ты уже своими заморочками! Пусть пацаны отдыхают и, обращаясь к Морозу, считавшемуся старшим «карасём» среди салаг, добавил: – Так, Олег, сейчас всё быстренько убрать, и замести все следы, чтобы никакая комиссия не прикопалась, после чего можете ложиться спать. Задача ясна!?

– Так точно! – вразумительно ответил Мороз и, когда «годки» удалились на перекур, молодёжь тут же принялась наводить порядок.

Утром для Гринёва был последний церемониал подъёма Военно-Морского флага, и на этом построении, экипаж и командование корабля торжественно проводили главного корабельного старшину в запас, желая ему на прощанье счастливой гражданской жизни и, чтобы не посрамил на гражданке честь и достоинство моряка-тихоокеанца. Простившись за руку с командиром корабля, старпомом и замполитом, Гринёв прошёл вдоль всего строя и пожал на прощание «краба» всему личному составу корабля, тепло, обнимаясь с лучшими своими корешами из оставшихся «годков». Прихватив свой дорожный чемоданчик, он спустился по межпалубной сходне в танковый трюм и, проходя мимо вахтенного у трапа, последний раз отдал честь флагу ВМФ. Как только он ступил на берег, по кораблю раздался душераздирающий марш «Прощание славянки», вырвавшийся мощными децибелами из металлических динамиков верхней палубы. Слушая этот прощальный марш, у Мельниченка по телу прошла предательская дрожь. Гринёв сошёл на берег, достойно отслужив от звонка до звонка, и теперь его мужественная фигура двигалась вдоль строя десантных кораблей к выходу из пункта базирования, а Мельниченко продолжал смотреть вслед уходящему главкору, затаив в душе, пробудившуюся печаль, к растворяющемуся среди гражданского бытия, первому своему флотскому наставнику.

Спустя несколько дней после демобилизации Гринёва, выполняя план боевой подготовки, БДК «Александр Торцев» вышел в залив Петра Великого для выполнения учебных стрельб. Согласно древней установившейся традиции, Игоря и всех «духов», впервые вышедших в море на военном корабле, решили «оморячить». Игорь давно был наслышан о такой процедуре и морально к ней был готов. Сама же процедура «оморячивания» проходила довольно просто: «духам» пришлось выпить морскую воду по полному среднему стеклянному плафону от светильника за один приём. Прислушиваясь к советам бывалых моряков, Игорь через силу, но пытался справиться с таким нелёгким заданием с первого раза. Вода была горьковато-солёной на вкус и проглатывалась с большим трудом, попадая в желудок, словно через какие-то баррикады. Сконцентрировав на это мероприятие все свои физические силы и моральную целеустремлённость, Мельниченко справился с «оморячиванием» в один приём и это стало для него огромным везением. Те же, кто с первого раза не смог осушить свою флотскую порцию морской воды, подвергались повторному заходу с пополнением содержимого плафона до первоначального уровня. Конечно, Игорь не сразу ощутил все прелести «оморячивания», кроме небольшого дискомфорта в желудке и, появившейся новой неприятной отрыжки. Но спустя несколько часов, процедура «оморячивания» резко напомнила о себе, прочно усадив молодого военмора, остро нуждающегося в испражнении от не усваиваемой жидкости, на отдушину мимолётной флотской жизни – корабельный толчок. Процесс испражнения проходил в стадии бурной непрекращающейся реакции. Организм извергал жидкость с молодого матроса, словно вулкан Ключевская сопка извергал лаву, не давая моряку прийти в себя добрых двадцать минут. Однако, несмотря на временно пошатнувшееся здоровье салаги артэлектрика, артиллерийская боевая часть отстрелялась удовлетворительно. Установка НУРС МС-73 «Град-М» выпустила в сторону необорудованного побережья два пакета неуправляемых реактивных снарядов, накрыв плотным ковром приличную береговую часть. Заминки со стрельбой не произошло, расчётное время стрельбы и перезарядки отвечало предъявленным требованиям. Таким образом, офицеры штаба бригады, вышедшие в море для инспектирования стрельб, поставили «галочку» в учебных планах боевой подготовки и зачёт артиллеристам БДК «Александр Торцев».

Служба шла своим чередом. Лето дарило тепло и приятные погодные условия для выхода в море. После успешных стрельб, в дивизии наметились и другие организационные мероприятия. В одно прекрасное летнее утро, по пункту базирования прозвучала учебная боевая тревога, и все корабли, находящиеся в базе, вышли в открытое море. Придерживаясь расписания по тревогам и очередности выхода в море, отвалил от береговой черты и БДК «Александр Торцев», умело занимая своё место за кильватерной струёй следующего впереди БДК «50 лет шефства ВЛКСМ». Экипажам кораблей предстояло кратковременное плавание для отработки различных боевых задач в составе группового похода. За эти несколько дней моряки провели тренировки по различным учебным тревогам с применением средств по борьбе за живучесть корабля: тушением условных пожаров и заделыванием условных пробоин. Корабли своевременно прибыли в заданную точку и взяли на борт технику и морскую пехоту, после чего произвели высадку десанта на необорудованное побережье. Моряки справились со всеми поставленными задачами, как говорят без сучка и задоринки, после чего все десантные корабли вернулись в базу. Задачи боевой подготовки весенне-летнего учебного периода были выполнены. Мельниченко тоже не подвёл свою команду. Он досрочно сдал зачёты на допуск к самостоятельному управлению своим заведением. Ему пришлось хорошенько попотеть, прежде чем Токарев, назначенный старшиной команды артиллеристов, принял зачёты по знанию обязанностей вписанных в «Книжку боевой номер» и по обслуживанию материальной части, а командир боевой части – Корабельный Устав ВМФ и устройство корабля. Когда Мельниченко цитировал выдержки из Корабельного Устава и допускал какие-то незначительные ошибки,

командир БЧ тут же поправлял его, иронизируя на тему произвольной флотской шуткой: «... о воин, службою живущий, учи Устав на сон грядущий, а утром ото сна устав, учи по новому Устав». С устройством корабля тоже не всё было гладко. Кроме знаний самого устройства корабля, названий различных частей и элементов, каждый моряк должен был обладать навыками по ориентировке во внутреннем пространстве корабля, зная: где и в каких районах шпангоутов находятся те или иные отсеки, а так же агрегаты и помещения? Зная: как можно пробраться из носовых отсеков на кормовую площадку не выходя на верхнюю палубу и минуя танковый трюм? Каждый моряк должен был знать все аварийные выходы и места с расположением аварийно-спасательных средств, а также умением использовать их в борьбе за живучесть корабля. Мельниченко один из первых усвоил все эти флотские премудрости и сдал все зачёты с оценками хорошо и отлично. После такого трудного периода в освоении флотских навыков, Игорь получил свою первую благодарность от командира корабля: за усердие и волю, проявленные при изучении своих обязанностей и досрочную сдачу зачётов на допуск к обслуживанию своего заведования, несению корабельных вахт и дежурств. Что было зафиксировано в книге приказов по кораблю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.